

Долгая дорога к храму

Драматическая история возведения Спасо-Вознесенского кафедрального собора в Ульяновске, длившаяся более 20 лет, подошла к своему счастливому завершению. Одного взгляда на сооружение достаточно, чтобы понять: ульяновские зодчие не ударили лицом в грязь перед предками-коллегам. Храм на улице Минаева, просматривающийся с многих точек, – настоящая архитектурная жемчужина. Хочется любоваться и любоваться его устремлённостью к небу, сияющими синими стенами с белым барочным «кружевом», золотыми главами. А совсем скоро собор, после освящения, превратится в религиозно-духовный центр, куда потянутся православные верующие.

Кто взял на себя подвиг пройти через все тернии его проектирования, продвижения по инстанциям, через пот и слёзы строительства и, несмотря ни на что, выйти победителями? Рассказать об этом мы попросили архитектора Александра Варюхина, соавтора проекта Спасо-Вознесенского собора. Перед тем как пройти в новый храм, он останавливается у могилы протоиерея Алексия Скалы в церковной ограде церкви Всех Святых, настоятелем которой тот был, крестится и притрагивается к перекладине креста – как к человеческому плечу.

Из «скальной» породы

– Без Алексия Скалы собора бы не было, – убеждён Александр Иванович. Он вспоминает, как всё начиналось.

Их первая встреча произошла в апреле 1993 года. С отцом Алексием Александром Варюхиным познакомил

тогдашний редактор газеты «Симбирский курьер» Алла Багдасарова. Скала говорил ей, что собирается строить храм на месте бывшего Покровского монастыря, стоявшего в городе до сноса в 1930-е годы. Супруга А.И. Варюхина, архитектор Ляйля Махмутовна (она станет потом основным автором проекта), в то время работала в институте «Спецпроектреставрация» и обладала бесценной информацией по монастырю, так как занималась охраняемыми зонами.

Скала был человек неукротимой энергии, он создал проектное бюро приходского совета. И Варюхины там работали. Проверку прошли успешно, и уже в мае Алексей Скала сказал: «Да, вы будете это делать!» Дальше проект создавался в буквальном смысле в домашних условиях.

– Тогда у многих архитекторов с работой была хитрая ситуация, – вспоминает архитектор. – И мы с Ляйлей работали дома, у нас там стояли два

кульмана. Отец Алексей каждое утро приходил к нам, садился и начинал рассказывать, как устроен храм, как проходит служба, где стоят священнослужители. Мы, изучавшие историю архитектуры в институте, как оказалось, почти ничего не знали о храмовых сооружениях. В результате в проект вошли многие идеи отца Алексия. В качестве прототипа он предложил избрать один из старейших соборов Симбирска – Спасо-Вознесенский, который стоял на углу нынешних улиц Гончарова и Ленина, там, где сейчас Гончаровский сквер. Это был маленький храм в стиле нарышкинского барокко. Такой выбор, предполагает Варюхин, Скала сделал отчасти потому, что он служил с патриархом Алексием в Николо-Богоявленском морском соборе Санкт-Петербурга, который тоже построен в этом стиле. Наш симбирский Спасо-Вознесенский собор был его уменьшенной провинциальной версией.

Теперь же из маленького собора архитекторы должны были сделать большой, увеличив его в четыре раза и не утратив достоинств оригинала. Вокруг храма, способного вместить две тысячи человек, было предусмотрено строительство всей необходимой инфраструктуры. В комплекс вошли административные здания с воскресной школой, музеем, Братством святого Андрея Блаженного, жилым домом для священников, мастерскими, гаражами и прочими постройками. Большинство из этого перечня уже встало на свои места, а что-то так и осталось в эскизах.

Был ещё один человек, без которого собор не получился бы таким, каким он стал. Это Алексей Сытин, известный в Ульяновске знаток истории края и его культовой архитектуры. Энциклопедические знания красоведа оказались весьма кстати. Он подобрал для Варюхиных старинные фотографии Спасо-Вознесенского собора в Симбирске, написал о нём полную информационную справку, к которой архитекторы постоянно обращались. О Сытине, как и о Скале, Александр Иванович не может вспоминать без внутреннего волнения. Удивительно, но они дружили втроём. Нередко глубоко верующий Скала и атеист Сытин яростно спорили по вопросам веры, но всегда это происходило уважительно по отношению друг к другу. Увы, ни того, ни другого Алексея уже нет в живых. В 2011 году ушёл Сытин, ещё через год – Скала...

Лепта от понтифика

В 1995–1996 годах был вырыт котлован будущего собора, забито 360 свай, сделан ростверк.

– И на этом – всё! – восклицает Александр Иванович. – Денег нет, потом – дефолт. Забор стоял десять лет. Огромный котлован уже осыпался. Но в 2006 году возглавивший область губернатор Сергей Морозов твёрдо сказал: «Будем достраивать!» – «За чей счёт?» – «Это не ваш вопрос». И у нас появился мощный спонсор в лице Михаила Гучериева. Его привезли на котлован, показали проект, и он дал деньги. Дело пошло... Когда же бизнесмен приехал к нам через пять лет и увидел поднявшийся собор, он не поверил своим глазам. «Вы на какие деньги всё это построили?» – спрашивает. Он не мог поверить, что за пять лет, с тех пор как он увидел котлован, можно было столько сделать и ничего

не растащить. А у нас казаки территорию охраняли. И отец Алексей строго за всем следил.

Конечно, были у собора и другие состоятельные жертвователи, в том числе и из жителей города. С особой благодарностью принимались средства от простых людей, принесивших деньги не от избытка, а от понимания значимости затеянного великого дела.

Есть выражение «строить всем миром». Получилось на самом деле так: свои средства внёс даже легендарный понтифик Иоанн Павел II.

Как свидетельствует А.И. Варюхин, римский папа откликнулся на посланное ему письмо священника из Ульяновска, в котором тот просил о помощи. Иоанн Павел II ответил, что готов внести свою лепту в строительство Спасо-Вознесенского собора и просил пожаловать за деньгами в нунциат Ватикана в Москве. Там отец Алексей вручил папскому нунцию архиепископу Франческо Колоссиано медаль почётного жертвователя для понтифика. Франческо после официальной части неожиданно заговорил на хорошем русском языке...

Совпадение это или закономерность, но Иоанн Павел II и Алексей Скала были земляками. Будущий римский папа появился на свет в польском городе Вадовице в 1920 году. На сорок один год позднее совсем недалеко от Вадовице в городе Самбор Львовской области родился будущий отец Алексей Скала.

«Господь премудро всё устроил...»

Скала, не будучи строителем, фактически руководил стройкой. Его день начинался здесь и здесь же заканчивался.

– Он понимал: нужно найти прораба, – рассказывает архитектор. – Если бы мы отдали собор какому-нибудь строительному тресту, не факт, что получилось бы. Они под такие работы не «заточены», это не многоэтажный дом. Нужна была ручная работа, как сейчас говорят «hand-made». И уникальный прораб нашёлся: Александр Алексеевич Волков. Однажды он реализовывал мой проект частного дома, и я был потрясён, с какой тщательностью он работал. И мы позвали Волкова на собор. Чуть позже появился начальник участка Владимир Геннадьевич Сургачёв. Они и вынесли на себе все организационные и технологические трудности уникальной стройки.

Много проблем было с кладкой – она сложная из-за пластики фасада собора. Необходимо было делать «перевязку» каждого ряда кирпичей. Теперь Варюхин улыбается, вспоминая некоторые острые моменты строительства:

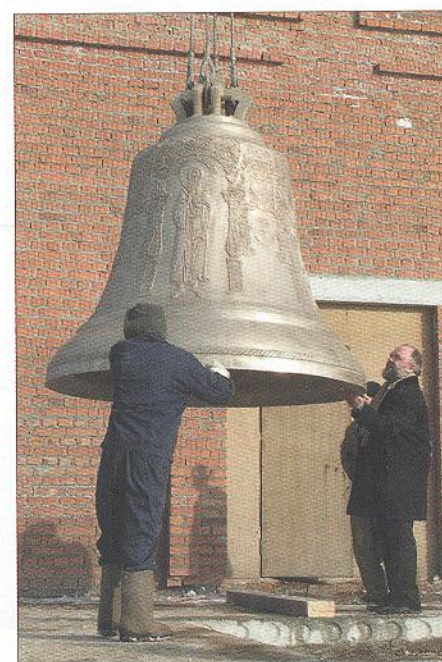
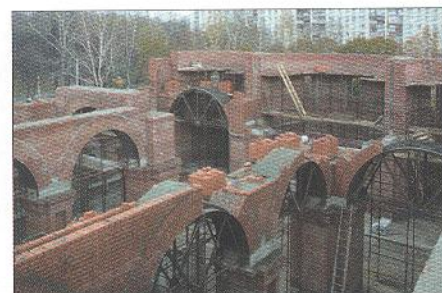
– Как-то звонит Скала: каменщики один угол не могут выложить. Мы впятером «на сухую» выкладывали этот угол. А там было: с одной стороны две пилястры и с другой, и как это всё «перевязывать», никто не знал. Но за два часа работы с нервами и руганью поняли!

Удивительно, но почти всё делалось силами местных специалистов. Вот лишь некоторые примеры. В соборе основные конструкции – арочные. Арок из кирпича никто в городе со времён царизма не делал. И рассчитывать их почти никто не умел. Здесь большую помощь оказал замечательный ульяновский конструктор Иван Григорьевич Попов – он рассчитал для строителей эту конструкцию.

Огромный центральный неф был перекрыт полуарками из керамзитобетона, изготовленными на нашем заводе ЖБИ-1. Все иконы написаны в Ульяновске, иконостас здесь же вырезали.

А как шеститонный колокол работы уральских литейщиков в колокольню завезти, подсказал Игорь Юрьевич Кочергин из «Гипротрансмоста»: «Краном!» Когда колокол подавали,

с боков по сторонам проёма колокольни оставалось всего по пять сантиметров. Крановщик его исключительно точно туда поставил.

– А как достичь акустики, мы не знали, – рассказывает далее Александр Иванович. – Поехали в Москву в НИИ строительной физики, в институт «Спецпроектреставрация». Разговор был очень интересный. Мы спросим: «Научите нас акустику делать в соборе». В ответ слышим: «Слушайте, когда постройте, если получится, нам расскажете». Чтобы создать акустику, архитекторы кувшины закладывали в барабаны. Но как это делается? Кувшин ведь может усилить звук, а может его исказить. Невероятно, но акустика у нас получилась. Как? Мы до сих пор этого не знаем. Как говорил отец Алексей, Господь премудро всё устроил... Это любимое его выражение.

Что же дал этот опыт самому Александру Варюхину?

– Мы с женой уже около двух десятков храмов спроектировали, – подводит он итоги. – Но такого собора больше у нас не будет. Такое счастье выпадает раз в жизни... Мы все трое в семье: я, жена, сын – прошли крещение. Сын вдруг сам захотел окреститься, позвонил отцу Алексею Скале. «А вам, – сказал сын родителям, – это информация для размышления». И мы пошли креститься вместе.

Воистину, строя храм материальный, невозможно не построить храм в душе своей...

Ирина Морозова
Фото Ляйли Варюхиной